

Ю. ИВАСК

Розанов и о. Павел Флоренский

В этом году исполнилась сотая годовщина со дня рождения Василия Васильевича Розанова (1856–1919) и, может быть, десятая со дня кончины отца Павла Флоренского (1882–1946?)¹. Оба они были друзьями. Эта дружба установилась не по «закону ли противоположностей» (которые будто бы сходятся? Действительно, трудно найти более разительный контраст! Розанов — «гениальный вопрошатель христианства» (Мережковский²), полный тоски по Ветхому Завету, искавший и находивший религию «святой плоти», «святого пола» у древних евреев и древних египтян; о. П. Флоренский — у которого якобы «отсутствовала христология» (по Бердяеву³, о. Г. Флоровскому⁴) — был одержим образом грядущего завета Св. Духа и образом Софии (но иначе, чем Вл. Соловьев, о. С. Булгаков и другие богословы и поэты раннего XX-го века). Розанов — беспокойный иудей по натуре, «плотяной» и «душевный» человек; о. П. Флоренский — спокойный эллин, «духовный» человек. Семейному Розанову хотелось уподобиться библейским патриархам, а о. П. Флоренский — это новый гностик, новый Ориген⁵ (хотя идеологически он его и осуждал). Розанов — журналист, мало что толком знавший: египтолог без солидной подготовки, нумизмат, покупавший фальшивые монеты, а о. П. Флоренский — замечательный ученый, философ, филолог, математик, физик, даже изобретатель (персонифицированный университет и политехникум!). Розанов — гениальный художник слова; а Флоренский — вычурный стилист, импонирующий немногим. Казалось бы — они противоположны во всем. Но оба (каждый по-своему) отталкивались от Нового Завета; и оба они были «неисправимыми мечтателями»: и интимно-болтливый автор «Уединенного» (1911 г.) и «Опавших листьев» (1913–1915 гг.), и странно молчаливый автор каменного «Столпа и утверждения истины» (1914 г.).

У Розанова, при всей его нарочитой разбросанности, несомненно, есть своя система — и религиозная, и философская, а о. П. Флоренский — своего рода «урожденный» систематик; но оба они «начинаются с мечты»; и, может быть, именно поэтому они так близко сошлись. Идеология их разделяла, но мечты — сближали.

Некоторые наиболее пристальные наблюдатели, например, Зинаида Гиппиус, видели в Розанове Задумчивого Странника; пусть ему самому очень хотелось воплотиться в патриархально-го Авраама-Исаака-Иакова, но на самом деле, даже в семейном кругу, он оставался одиночкой, неврастеником-романтиком декаданса; он обожал свою болящую жену, Друга, но и субъектом и объектом его песни песней был все тот же Василий Васильевич — отнюдь не патриарх, а нарцисс. Все его самые заветные слова всегда о самом себе: «Мой Бог — особенный. Это только мой Бог; и еще ничей». Или же — он «беспробудно» мечтает: то ему хочется «унежить» все человечество, или же вспорхнуть душой-бабочкой в солнечном египетском раю. Здесь Розанов — гениален: он великий мастер русской прозы, передающий в своих писаниях все интонации живой разумной речи (что до него удавалось передать одному лишь Аввакуму⁶). Это не только мастерство. Есть особый высший смысл в розановских писаниях.

Вот уже больше четверти века я постоянно читаю Розанова и со-мечтаю с ним (без этого со-мечтания он едва ли может приоткрыться). Его религия пола и плоти сомнительна и поверхностна. Есть разложение, гнильца в его творчестве (он сам это признавал); и даже со-мечтательная беседа с ним «набивает оскомину»; очень уж часто он юродствует, хитрит — даже в моменты экстаза. Но есть и другое: был у этого нарцисса великий дар лирического восхищения жизнью, и это лирическое восхищение, пусть и капризно-индивидуалистическое, имеет свою онтологию, свою метафизику. Кто знает, — в Новом Иерусалиме, сходящем с небес, не преобразится ли все то, что было поистине прекрасного в мире, например, пирамиды и Акрополь, Айя-София и Нотр-Дам? Но, может быть, в нем преобразятся и «найдут себе место» те восхитительные мелочи жизни, которые Розанов так любил и так хотел (бессознательно) спасти, например, тот «томительно-свистящий вентилятор», которые напомним Василию Васильевичу о вечности, или свежий огурец и папироска, летом, «после купанья»... Никто во всей мировой литературе не расширял так границы вещественной эстетики, как Розанов, и, может быть, ни один из вариантов бессмертного псалма «всякое дыхание да хвалит Господа»⁷ не звучал так трепетно-интимно... Если прислушаться к гениальной болтовне Розанова, к его неповторимо-

му голосу, то в мелодии его речи можно расслышать гимн Творцу... Пусть он был «слеп в религии» (о. Г. Флоровский⁸), пусть был он даже и полу-атеистом (хотя больше сорока лет писал «на религиозные темы»); в нем, как-то помимо него, пела-выпевалась бессмертная хвала Господу (как и в поэзии Пушкина, но у Пушкина совершенно иначе — стройно и чисто). Это напряженнейшее переживание жизни как великого блага не является ли своего рода онтологическим доказательством бытия Божия?

С о. П. Флоренским дело обстоит труднее. Понять его нелегко. Но если вчитаться в его «лирические отступления» (в «Столпе и утверждении истины»), то не может оставаться никаких сомнений, что мечтателем был и этот гордый ученый, «совопротник мира», гностик и даже маг (о странной прозорливости его писал Н. О. Лосский в своей «Истории философии»⁹). В его монументальном труде, наряду с математическими формулами, цитатами на древнееврейском языке и даже экскурсами в осетинскую лингвистику, мы читаем следующее: «Темняло... И — дождь шел взрыдами. Крыша взрыдывала в последней тоске и холодном отчаянии» *. Это замечательный образец его своеобразного стиля, в котором простонародность, «семинарщина» и лирика отстраняются пышнейшими барочными построениями самого высокого стиля. У Розанова же — мещанский или мелкочиновничий говорок, газетные шаблоны и лирические вздохи, вопли...

Лирика ученого о. П. Флоренского питается пафосом дружбы (у Розанова же пафосом уединения). О. П. Флоренский обиняками рассказывает о каком-то своем умершем друге¹⁰ и цитирует дневники — может быть, того же самого друга (но это остается неясным). Из упомянутых дневников мы узнаем, что писавший их хочет уйти в мир, чтобы не покидать своего «погрязшего в грехе» товарища. «Довольно платонизма», — восклицает он: если друг падает, то паду и я (но с тайной надеждой спасти его!). Мелодия дружбы звучит везде. Первое письмо в «Столпе и утверждении истины» начинается обращением: «Мой кроткий, мой ясный!» Одна из эмблем-заставок изображает двух «амуров», натягивающих лук: оба они целятся друг в друга. Надпись же под «картинкой» гласит: «Бой счастливый». В центральной главе книги («Дружба») о. П. Флоренский с восхищением рассказывает о древнем православном обряде побратимства (отчасти параллельном бракосочетанию). Из Евангелия он приводит те места, где говорится, что Христос посылал учеников по два (двоицами,

* Именно «темняло» у Флоренского.

диадами). Самого Христа «концентрическими» суживающимися кругами «обрамляют» толпы народа, потом тайные ученики, двенадцать апостолов и, наконец, с ним остается его любимый ученик. Христианскую раннюю еkkлeсию объединяет вселенская любовь — агапе, но и индивидуальная — филическая. Чтобы любить всех братьев, надо одного любить в особенности. Через одного друга созерцается Бог. Это чистый платонизм (тема диалога «Федр»). Пламя дружбы — тихое пламя елeя. Это опять платонизм, эллинство, и эта эллинистическая интерпретация Евангелия — односторонняя. Но, вместе с тем, нельзя сомневаться в том, что именно дружба (а не брак, добавил бы Розанов) является зерном евангельской общины, христианского Града Друзей. Эта дружба — общая, но и частная: со всеми братьями и одним братом (Павел и Тимофей). Диады супругов в эту еkkлeсию тоже допускались (но об этом он не упоминает).

Отец П. Флоренский поздний, осенний эллин в христианстве, «православный декадент». Его книгу Бердяев удачно сравнивает с опадающим «золотой осенью» лесом. Но недаром утаенный друг о. П. Флоренского восклицает: «Довольно платонизма!», и он, платоник, ему сочувствует; и недаром он цитирует истинно-христианское житие блаж. Иоанна Мосха (из «Луга духовного»¹¹) о том, как чистый друг ушел в мир, вслед за грешным другом, и его в конце концов спасает. Эта параллель — к случаю, рассказанному в дневнике (см. выше). У гордого, по-осеннему прохладного о. П. Флоренского чувствуется не одно эллинско-языческое любовование, а и евангельское жертвенное рвение, которого не было у Сократа, у Федра или Федона. Стрела христианства ныла в сердце эллина о. П. Флоренского, как и в сердце иудея Розанова. Они оба — христиане-мечтатели. Но христианство — не мечта; и церковь не может не отнестись с недоверием к этому мечтательству, и не может не осудить ветхозаветные «реставрационные замашки» Розанова или соблазнительное ускоренное взыскание Третьего Завета Св. Духа у о. П. Флоренского (характерное для его эпохи). Но уединенная, невольная хвала Господу у Розанова есть единственный и неповторимый «феномен» христианской поэзии; и тоска по другу, боль за друга — полуутаенный филический пафос о. П. Флоренского — это тоже христианская поэзия, не менее трепетная, чем розановская, хотя и не выраженная «лучшими словами в лучшем порядке», а лишь едва намеченная в лирических отступлениях «Столпа и утверждения истины».

О чем именно Розанов и о. П. Флоренский говорили друг с другом наедине — мы, вероятно, никогда не узнаем. Но мы зна-

ем, что эллинствующий о. Павел Флоренский исповедовал и при-
 чащал иудействовавшего Василия Розанова (перед самой его смер-
 тью¹²).

Розанов умер 23-го января 1919 г. в Троице-Сергиевом Поса-
 де от последствий недоедания, а о. П. Флоренский (по данным
 еще непроверенным) скончался в советском концлагере. Агония
 Василия Васильевича была мучительной, а отец Павел — не умер
 ли он мучеником?

Их религиозный опыт был то вне-церковным, то полу-цер-
 ковным. Но этот опыт мог осуществиться лишь в мире христи-
 анском. Оба они были великими христианами мечтателями,
 склонными к еретичеству. У обоих были черты гениальности: и
 у полностью выговорившегося Розанова, и у о. П. Флоренского,
 самое главное утаившего. Да, первый же сказал, что мог ска-
 зать; а второй лишь «проговаривается» о том, что было ему одно-
 му ведомо *.

* Я не излагаю здесь учения о. П. Флоренского. Оно изложено и с
 самых разных точек зрения подвергнуто критике. Но его основная
 тема, тема дружбы, как-то была оставлена без внимания. Между тем,
 его анализ дружбы является своего рода шедевром. Книги о. П. Фло-
 ренского являются теперь библиографической редкостью. Избранные
 сочинения В. В. Розанова появились в издании им. Чехова в 1956 г. (с
 моим вступительным очерком).